

И.Н.Макаров

Проклятые

ГНОМЫ, или

Явление

оракула

Рассказы

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Игорь Макаров

**Проклятые гномы, или
Явление оракула. Рассказы**

«Автор»

2009

Макаров И. Н.

Проклятые гномы, или Явление оракула. Рассказы /
И. Н. Макаров — «Автор», 2009

ISBN 978-5-532-04309-1

Ранее это был сборник рассказов, но я, наконец, объединил его в роман. Основные рассказы, лёгшие в его основу, дополнены другими рассказами, не относящимися напрямую к нему. Скорее по жанру это фантастика, замешанная на путешествиях и походах. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-04309-1

© Макаров И. Н., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Проклятые гномы или Явление оракула	5
Несколько слов в качестве предисловия к первому рассказу	8
Айя	9
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Игорь Макаров

Проклятые гномы, или Явление оракула. Рассказы

Проклятые гномы или Явление оракула

Этот год, то есть 199...г. Стал последним годом моей деятельности на журналистском поприще. Кроме того, в самое его окончание, в нашей редакции случился настоящий коллапс. Такой натуральненький без всякого преувеличения, перед самым Новым годом, а нашу славную дружную редакцию я покинул уже в январе, поскольку меня, как одинокого и не служившего в рядах армии, отправили отбывать эту повинность.

Нужно было выпускать праздничный номер. А у нас из всего наличия корреспондентов, то есть так называемых творческих работников, осталось всего два человека. Где были остальные? Как раз за неделю перед праздником наш посёлок посетила какая-то страшная и довольно странная эпидемия. У всех неожиданно резко подскакивала температура, и многие несколько дней не могли подняться на ноги, а затем являлись на работу, как ни в чём не бывало. Впрочем, эта зараза не повлекла за собой повальной смертности, даже среди стариков, а, по лютовав с недельку, так же исчезла, испортив праздник всему честному народу. Кстати, меня это поветрие тоже коснулось, но как-то слегка. Вечером у меня поднялась температура, почти до сорока градусов, так как знобить меня начинает только при этом градусе. Выпив пару таблеток аспирина и чашку чая с мёдом, я сразу же завалился спать, чтобы утром даже и не вспомнить об этом событии, поскольку тогда же у меня прорезался зверский аппетит, которому я уделил большее внимание, чем своим вчерашним событиям.

Вторым творческим работником был наш редактор Анатолия Макаровича, в простонародье просто Макарыч, хотя его с большой натяжкой и трудом можно назвать таковым. Кроме передовиц к празднику его этих самых литературно-журналистских потуг не хватало ни на что больше. Правила и володела редакционными делами Валентина Степановна наш ответственный секретарь, а, короче, ответсек. Она была ничего себе баба и даже нормальный работник на этом поприще, если не считать, что всё, что ни попадала в её цепкие журналистские руки она правила под себя, не считаясь ни с замыслом автора, ни с его стилистикой и индивидуальностью. Сей титанический труд на поприще переписывания газеты, превращал сей коллективный труд в её и только её индивидуальное издание. Благодаря Валентине Степановне, наши творческие работники косяком тащили ей на стол не то что сырые свои опусы, а вообще кое-как сляпанные из натурального дерьма писульки. Благодаря многолетнему труду на этой стезе, у неё выработались уже свои многочисленные шаблоны статей, очерков и прочей подобной многожанровой белиберды, в которые легко втискивались эти наши недоделки и не дописки.

Следует заметить, что я не журналист, а скорее писатель. Я могу написать роман за месяц, а потом не писать ни строчки год или даже более, а выдавать на гора литературный мусор, лишь для того, чтобы забить пустующие колонки нашей газеты, мне было тоскливо изначально. Насиловать себя таким образом, я долго не смог бы и рано или поздно бы ушёл из нашей редакции, а армия мне подвернулась, как раз кстати.

Но вернёмся к повествованию. Понятно тогда было лишь одно: никого нет, материала тоже нема, если не считать подготовленного мною и передовицы Макарыча, а время поджимало. Поскольку на всю редакцию осталось нас только трое, третьей была баба Валя, – бабушка секретарша. Если то, что Макарыча не взяла эта хворь, не улаживалось ни в какие нормальные каноны жизни, поскольку он был изнеженным интеллигентом, жирненьким, моложавеньким,

беленьким от постоянного пребывания в помещении, в сорок лет уже с заметным пузиком и вторым подбородком, то бабу Валю пробить никакая хворь не могла в принципе. Поскольку в её столе всегда стояла початая бутылка водки, которая неумолимо пустела к вечеру, чтоб с утра или обеда неожиданным образом превратится в непочатую. Всё это позволяло ей пережить многих редакторов и нашу белиберду, правку Степановны без стрессов и ругани, как и наших Генсеков. Болезнь, подобно этому поветрию, умирала в ней если не после первой, то точно после второй рюмки, влитой во что-то непонятное между её костями.

Почесав затылки, мы с Макарычем, заранее прикинули объём работ. Выходило кисло как-то. Пришлось мне оседлать наш редакционный Уазик и рвануть собирать дань с наших корреспондентов, поскольку Макарыч даже не освоил эти три педали, рычаги и руль, а водила слёг за компанию со всеми. В самом плачевном состоянии оказалась Валентина Степановна. У неё была очень высокая температура, и она страдала больше всех, а может и за всех, явно недооценивая наши с Макарычем силы и стоящий под угрозой выпуск её общего незабвенного издания. Но даже от едва живого нашего ответсека, я умудрился унести в зубах какой-то потаённый ею материал. С другими было проще. Ваня Чайкин, корреспондент от сельского хозяйства, по совместительству смотрящий за нашей газетёнкой от органов, был свеж и бодр, как огурец на грядке в летний день. Поскольку он был на больничном, то и «забил» на работу по всем правилам труженика села. Выколов из него положенный материал, я быстренько пролетел всех остальных наших мужиков и баб и получил не только запланированные в газету писульки, но и кое-какой дополнительный, лежащий у многих про запас. Поскольку все меня если и не любили, то уважали, а так же из-за сочувствия, что мне приходится крутиться одному. Этому, то есть то, что заначки с особой щедростью посыпались, ещё способствовало то, узнав, что единственным редактором буду я, Макарыча никто не принимал всерьёз, а к их трудам я отнесусь с большим уважением, что все отлично знали, в отличие от Валентины Степановны.

Я действительно аккуратненько, чтобы ничего не испортить, кое-что исправил, правда другу Чайкину с его деревянным мышлением досталось больше всех, я разделался с его опусом не хуже Валентины Степановны, но создал нечто читабельное, в тон общему настрою выпуска.

В этот же день доблестная баба Валя выдала на гора весь материал. Поскольку время было ещё дикое, печатать приходилось на машинке, макетировать в ручную, а компьютер я даже не видел в глаза, но хотя и слышал. Машинка наша была древним «Ундервудом», так его кликали в нашей редакции, но она шибко уважалась бабой Валею, которая так и не признала электрической разновидности пишущей машинки, которая у нас торчала сиротливо на окне, рядом с рабочим местом бабушки. Ею пользовались все, когда требовалось что-то очень срочно напечатать, но только не секретарь.

Всё было прекрасно. Утром уже был макет. Газета была почти полностью забита, даже почти не осталось места для рекламы, да и мы не горели большим желанием её пихать в Новогодний номер. Вот только в подвале имелось ещё место для небольшой статьи. Требовалось, что-то такое, я бы сказал не обыденное, но местное. Тут Макарыч и вспомнил научного сотрудника, который работал в Иркутске, но местного уроженца, который одно время даже работал корреспондентом нашей газетёнки, попутно занимался всякой ерундой типа Уфологии, популярной в то время фишкой. Поскольку времени было ещё навалом, мы и покатали с Макарычем к нему в гости, поскольку шеф без меня и машины не мог передвигаться в принципе, а в посёлке знали Андрея многие. Он был в отпуске до середины января, так что мы его нашли в доме родителей, которые, в свою очередь, куда-то свалили. Куда? Это были их проблемы, но я их немного знал, а спрашивать не входило в наши планы, тем более разговоры, точнее «базарил» именно шеф, а я складывал в кучу материал, которого было не только предостаточно, а даже чересчур много.

Так мы с ним, в общем, и познакомились. Поскольку он дал довольно много своих рассказов, больше для знакомства, чем для публикации, напечатанных на принтере, что было тогда

небывалым новшеством и нам даже не пришлось напрягать нашу бабульку. Так копии его рассказов оказались у меня. Позднее я несколько раз встречался с ним, можно сказать даже часто. Дважды я забывал рукописи, поскольку они валялись у меня дома, а приезжал к нему я по работе. Однажды привёз газету, что мы с Макарычем и бабой Валеёй героически выпустили к празднику, с его материалом в выпуске. Правда рассказ пришлось сильно сократить, но я это сделал довольно удачно, поскольку по натуре я человек экстремальных обстановок, тогда у меня уж точно мобилизуются все силы и умения. Затем Андрей укатил на работу, а меня забрали в армию. Я не стал выбрасывать его труды, – не поднялась рука. Позднее я много переезжал и потерял их. Так что пришлось восстанавливать их все по памяти. Так что это не оригиналы, а, поскольку прошло много времени, то скорее моё творение, чем опусы Андрея. Его суховатый стиль, как он его назвал, канцелярский, конечно хуже, чем изложение истории доктором исторических наук предки у которого были поэтами, а сам он талантливым писателем. Звали того историка Лев Гумилёв. Но это не ко мне. Пусть я и отношу себя к этому племени писак, но не зарабатываю себе на жизнь этим, но всё-таки меня терзает периодически этот поэтический зуд, так что я всё-таки пишу и пишу профессионально, как ныне говорят. Хотя я считаю, что любой человек все свои дела должен делать хорошо, а профессионал – это скорей рабочий на конвейере, а на конвейер человек становится или из-за лени или не умения зарабатывать деньги другими способами. Поскольку я эти рассказы хорошо помнил, а тот зуд писательства, когда я восстановил его рассказы, посетил уже довольно давно, то им уже много лет. Не мудрствуя лукаво, я ещё через некоторое время собрать их в кучу, на основе их подлинной истории. Позднее, зная низменные вкусы наших читателей, когда я стал публиковать свои «нетленки» на разных сайтах, я переделал их в жанр фантастики из вполне реалистичных рассказов, добавил каплю драйва и разъяснения, типа вступления, почти к каждому рассказу. Благодаря этому я слепил всю эту белиберду в одну кучу, которая хоть немного похожа на литературное произведение во вкусе тинэйджера недотёпы.

Вот и вся история, добавлю в заключение ещё несколько слов о том, как закончились эти самые Новогодние приключения с выпуском нашей районной газетёнки. Вот с выпуском же вышел скандал. Поскольку все привыкли к строгому, даже канцелярскому стилю нашей газеты, как у Андрея и Степановны, то администрацию нашего района этот выпуск поверг в шок. Сначала Макарыча вызвали на «ковёр», провели с ним разъяснительную беседу. Он попытался отбиться, сказав, что клепали этот выпуск вдвоём, что я мол, молодой и зелёный и времени не было. Степановну газета тоже повергла в ступор и едва не затащила в могилу, но спасительная рюмка из заначки бабы Вали, – вытащил нашего ответсека с того света, правда Макарыч получил от неё по первое число. Всё это он принял смиренно, как полагается, поскольку успел побывать до этого в кабинете главы нашей администрации. Больше всего удивила меня баба Валя, никогда никого не хвалившая, а здесь отозвалась о выпуске очень тепло и обо мне тоже. Наши коры меня в тайне поддерживали, а кто протиснул таким образом свои публикации, призывали меня держаться и идти тем же путём. Затем пришло десятка два писем. Самое удивительное, что и в нашу администрацию тоже. Все хвалили именно этот выпуск. Макарыча опять вызвали туда и объявили ему благодарность, мне тоже записали в трудовую книжку подобную же формулировку. Тут же прошёл слух, что нашего замреда дедка-пенсионера собираются менять, и садить меня на его место. Я был против, но тут про меня, кстати, вспомнил лохматый и грозный дядюшка Марс, за что я был ему премного благодарен, и уволок подальше от этих дрызг и наметившейся карьеры. А я попутно, что уже говорил, прихватил в спешке и не свои бумаги, а дальше вы уже знаете. Ещё добавлю, что часть размышлений автора, – мои выдумки, а что взято из первоисточника, что слепил я сам, то, не обессудьте, – я уже сам не помню. Время нас лечит, а более калечит, что было – не было, что есть вымысел, что было как на духу – помянёт нам бог, при конечных разборках с нашими душами, а память человеческая иногда даёт сбои. Трактора ломаются, жесткие диски осыпаются, а нейроны, подлецы, – дохнут толпами.

Несколько слов в качестве предисловия к первому рассказу

Как я Вам и обещал, то буду писать эти вступления – объяснения по мере надобности. Первое, что я сообщу, что сам автор сказал, что всё, что он описал в этом рассказе, было с ним на самом деле. Я в это, конечно, верю с трудом, можете мне не верить, но на моё удивление я видел Айю, главную героиню этого рассказа. Да, видел героиню этого рассказа или её клон в человеческом облике. Где? В его доме. Хотите – верьте, хотите – нет, но он тогда сказал, что она не человек, но не стал это разъяснять, ссылаясь на просьбу женщины.

Но всё по порядку. Все считали его холостяком, никто просто не видел его с женщиной, если не считать какой-то его мимолётной беседы со знакомой на улице. Какое же было моё удивление, когда я пришёл к нему домой, и застал у него женщину. Это отчасти объясняет отсутствие его предков, которые в нём души не чаяли, что я знал от Макарыча.

Да, не просто женщину, а женщину в халатике, а это не просто знакомая, да ещё и с утра. Видел я её всего минуты две или три, но успел хорошо запомнить. Если я закрою глаза, то её облик до сих пор стоит передо мною. Начну со сравнения. Если сам Андрей был высокого, почти под два метра роста, широкоплеч, сухопар, но грудные мышцы у него не были раскачены. Скорее всего он был вынослив, но не обладал огромной физической силой, не говоря о мощи. По крайней мере грузчиком он не работал. То женщина, что вошла в комнату, где мы беседовали с Андреем, была прямой его противоположностью. Она была очень маленькая, проще сказать миниатюрная. Если и дышала, не знаю, кем приходился ей Андрей, то уж точно в пупок или даже ниже. По крайней мере, но мне так показалось. Она была выше меня сидящего в глубоком кресле, но не намного, а Андрея, находившегося в таком же кресле напротив – заметно ниже. Определить рост её я затрудняюсь. Представив, что она походила на худосочного подростка, от которого её отличали только явно выраженные округлые женственные формы, вы точно не ошибётесь. Несмотря на эту миниатюрность и микроскопичность от неё веяло такой силой, энергией, что это сразу чувствовалось с первого, даже мимолётного взгляда. Что-то в ней было дикое и даже могучее, не совместимое с нашей изнеженной цивилизацией. Вот она уж точно была не кисейная барышня. В ней было что-то от кошки: та же степенность, осторожность и... взрывной характер. Может быть я, начитавшись его рассказов, уже фантазирую, но глаза у неё были зелёные, как у кошки, и мне даже показалось, когда она выходила из тёмной комнаты, то они даже блеснули отражённым, неестественным огоньком.

Остановлюсь на её внешности. По виду или по национальности она была или арабка или еврейка, что почти одно и то же. Тонкие, хорошо выраженные черты лица, нос с горбинкой, чёрные вьющиеся волосы и, на удивление, хорошо выраженный эпикантус, что никак не вязалось с её внешностью. Впрочем, ничего другого, что её связывало с азиатами, у неё во внешности не наблюдалось.

Когда она вошла, то Андрей как-то автоматически назвал её Айя, на что та заметила своим чуть хриловатым, простуженным голосом с хрипотцой, что она просила его называть Аней. Андрей извинился, несколько смутившись, поправился.

Я уже говорил, что автор считал их реалистичными и происшедшими именно с ним. Я тоже заскорuzлый прагматик, но мне они всё-таки кажутся фантастикой, о чём я тоже уже говорил. Добавлю, что мне пришлось восстанавливать написанное им по памяти и через много лет, то искажение в деталях его рассказов вполне возможны. Впрочем, у меня не плохая память, и я играю до сих пор на уровне КМС по шахматам благодаря интернету, но в основном только в рапид. Сил и времени на классическую партию у меня уже не хватает, а резаться в блиц – реакция уже не та.

Айя

-Андрей, ты помнишь, пропали в тайге шишкарки, ещё по осени. Один тебе ещё каким-то родственником был. Какой-то кисель троюродный, ты ещё о нём говорил. Ты даже про него тогда спрашивал, долго их ещё искали так и не нашли. Потом напарника выловили, так тот не в себе был и до сих пор ещё с придурыю. Несёт всякую чушь про лесных баб, а когда их вспоминает, то у него натурально крыша едет. Такое рассказывает – не поверишь! Ты ещё больше не поверишь, но жив твой родственничек! Один охотник не только набрёл на его следы, но и самого видели! – огорошил сим сумбурным приветствием меня мой приятель Володя.

Серёга был не то что мне родственник, а так. У бабушки моей, была троюродная сестра, а у неё приемная дочь, которая считалась как бы её родственницей, но не по крови. Несмотря на это, поскольку мы жили недалеко друг от друга, мы зналась с Серегой и его половиной и считала их родней. Я его почти не знал, но несколько раз встречались на вечеринках и разных семейных сборищах, так что немного считал его тоже за своего. Ничего особенного в нём не было – обычный деревенский мужик, таких в деревнях при советской власти было полным полно.

Уходя, Серый сказал, что выйдут в ноябре, то есть месяц назад, рассказал кому-то, где будут шишкарить. У одной речки, скорее ручья, притока Оки, не помню её название, жить в зимовье, а как ушёл, так и не вернулся. Он был не один, а с приятелем. Когда снег выпал, то схватились, поскольку машина, что пришла за ними, никого не нашла. В зимовье стояли мешки с орехом и несколько мешков с шишками. Продукты не тронутые и пыль на столе лежала слоем. Вызвали МЧС. Приятеля поймали натуральным образом через недели две, после срока, когда они были должны выйти из тайги, точнее наткнулись на его следы и выследили по ним. Он был едва живой, но, при виде людей пытался убежать, но был на столько слаб, что скоро упал. Но когда к нему подошли люди, вновь стал гайсать по тайге с выпученными глазами и дико орать с испугу. Его пришлось связать и вести домой. Он не только боялся людей, но и не хотел идти в село. Обычное дело, если человек заплутает в тайге, то начинает сходить с ума. Только то, что он потерялся, было странно, поскольку там лесовозные дороги на каждом шагу, а мужичок тот был не из районного посёлка, а местный из ближней деревни. Он всю округу знал, как свои пять пальцев, постоянно ходил за шишкой, охотился, грибы собирал и дрова заготавливал. Не мог он просто заблудиться. а Серый пропал, как и говорил Володя. Приятель этот был малость не в себе и ничего толком не смог объяснить. Непонятки какие-то. Ловили его, как дикого зверя. Нашли ещё Серёгины шмотки, облазили всю округу, но ничего больше не обнаружили. Его ни живого, ни мертвого, орехи, заготовленные в мешках лежат, машинка и решета на месте, колот валяется. Рюкзаки, там же, и жратва в них, консервы разные, что мыши не почикали. Испарился бесследно. Только в том, что на нём было, в том и остался. Брехня, одним словом, чистой воды, что Серёгу видели.

– Не брешешь, ведь уже больше месяца прошло, а он там без еды и без оружия по предгорьям Саян лазит, да по снегу, и жив и здоров. – Я обозлился и решил послать подальше своего приятеля. Настроение было с утра хреновое, поскольку я ещё не отпил кофе. Так как отношу себя скорее к совам, чем к жаворонкам, и моё самочувствие приходит в норму с утра пораньше, только после доброй дозы кофеина. Если без него, то только после обеда. Тем более тема была неприятная для меня. – Изыди сатана, видишь, я ещё не пил кофе, а издеваться я тебе над собой не дам. Ты же знаешь, что получишь на орехи, за которыми ушел мой не родной родственник.

– Вижу, что глаза у тебя в глубокой задумчивости, – продолжал Вовка, немало не смутившись – Пей свой кофе и слушай. Мне Ванька Салдамаев говорил, знаешь такого?

– Знаю, – буркнул я, – только верить ему – себя не уважать.

– Ты послушай, что он сообщил! Ты же журналист! Это же такой материал! Он мне сказал, что нынче один знакомый бурят приходил, он тоже в этом зимовье жил, капканы ставил, говорит, что видел он мужика какого-то дикого, который в горах живёт, как зверь, и ещё с ним какая-то женщина маленькая бродит.

– Что бы мне не знать Ваню, я с ним в институте четыре года торчал, только он меня на год младше, и я его, как облупленного знаю. Знаю, что трепло он доброе и твои Саяны ему только в кинотеатре показывали. Выжить, конечно, ныне можно запросто: орехи под ногами валяются, но современный народец одними орехами не питаются, на снегу не спит. Он телевизор смотрит и к его заднице прикручен унитаз. Ты, надеюсь, понял мою точку зрения по этому вопросу. Я не исключаю, что мой родственник рехнулся, как и его приятель, и каким-то образом остался живой, бродя по окрестным горам, но откуда там ещё и баба? Врёт Ваня! В заблуждение вводит, как говаривает наш любимый шеф. – Я, конечно, несколько перегибал палку. Ваня Салдамаев был обыкновенный деревенский мужик, хоть и бурятского происхождения. Он был немного наивный и глуповатый, но не обладал сколько ни будь живой фантазией, чтобы вешать макароны на уши. Тем паче на такой блеф он не был способен. Он знал, что Серёга мой родственник, а со мной он не желал связываться, а тем более сорится, ещё будучи студентом, а тем более при моём нынешнем социальном положении в районе, то и подавно. Что-то было здесь не чисто. Сон мой соизволил слететь моментально, даже удовлетворившись одной чашкой кофею, которую я начал скармливать себе уже в присутствии своего приятеля-информатора. Кстати, от кофе, предложенного мной, он отказался. Здесь пахло сенсацией. Я это чуял, но мало понимал с какой стороны к этой сенсации подходить и, что она есть на самом деле эта сенсация. С чего это у двух мужиков, даже сильно пьющих, могли одновременно сдвинуть с катушек крыша, да так, что они едва ли без штанов начали шляться по дикой горной тайге, вести образ жизни шимпанзе или другой северной обезьяны, ночевать в снегу, чем-то там заниматься с неизвестной бабой. С бабой это понятно чем он там занимается, но зачем этому придурку с ней ползать по горам и морозить свою задницу на снегу. Есть же, в крайнем случае, зимовье? Брехня. Никак это не лезло в рамки жизни, но, с другой стороны, если подумать серьезно, зачем кому-то пускать пушку о том, что кто-то там бродит по горам месяц, беречь раны родственникам исчезнувшего мужика? Можно запросто получить по роже, даже если Ваня друг Салдамева, просто работает в качестве попугая, что скорее соответствует действительности. Всё было непонятно и не однозначно. С друзьями бандитами было всё просто и устроено по земному: кто-то кому-то чой-то задолжал, кто-то кого-то поставил на счетовое устройство или посадил на мушку или перо или не поделили бабки или бабу. Всё это просчитывалось на уровне третьего класса начальной школы, даже не требовались коридоры высшего образования.

Всё это я коротенько изложил Володе, с чем он отчасти согласился, но я выпросил, где он видел Ваньку Салдамаева, откуда он его знает, так как тот вернулся в свою деревню и в городе появлялся редко.

Скоро мы его нашли в гостинице, но разговор с Ваней ничего не прояснил. Пришлось заводить машину и доставить его домой в забытое богом бурятское село. На моё удивление охотником оказался русский, сосед Вани. Петька просто сбрехнул про друга-бурята, поскольку Ванька там был единственный, кто считал себя бурятом, хоть и не говорил на этом гордом языке потомков Чингисхана. Правда, многие русские были слегка похожи на бурят, но это не мешало им быть русскими, так же как селу быть бурятским.

Сосед Вани был сухой, как кочерыжка, жилистый молчаливый мужичонка. Когда мы пришли к нему в гости, то он что-то строгал на чурочке. Встретил он меня неприветливо, когда я его спросил про следы, что он видел в горах, то он сразу помрачнел. Он явно не хотел касаться этой темы. Пришлось сказать, кем я являюсь пропавшему, деликатно умолчав про свое журналистское настоящее. Только после третьей рюмки он несколько потерял concentra-

цию и разговорился. В сущности ничего нового я не узнал, только то, что он отчего-то боится этого хождения мужика с бабой на пару. Мне пришлось влить в него не меньше полутора бутылок водки, пока он не сказал, что слышал от одного тофалара легенду про то, что в Саянах живёт дух гор в обличье барса, но это не настоящий барс. Он может превращаться в женщину. А превращается он в женщину для того, чтобы родить ребенка. Тогда она находит в горах или предгорных лесах промышляющих охотников или того, кого встретит, тогда она его совращает. Говорят, что если она его поцелует, то тот потеряет всякий разум, затем бродит с ним по горам и занимается любовью, пока не забеременеет от него, а после просто убивает того и съедает.

Я, конечно, мало поверил в это, но всё-таки решил проверить данное сообщение. Тем более информатор не производил впечатления вруна или сочинителя. Он относился, если говорить словами старого охотника Черкасова, к достоверным охотникам, у которых всегда найдётся десяток рассказов про охоту и природу, чтобы врать. Кроме того, он не был из трусливого десятка, но здесь явно выражал или испуг или чуял явную опасность. Я тоже не относил себя к большим любителям подставлять голову под пули или бог весть какие удовольствия, но если Серый был жив, то его надо было вытаскивать из этого дерьмового положения.

В конце концов я уговорил Игоря, так звали мужика, чтобы он показал то место, где он видел следы. Этому способствовало и то, что он успел расставить капканы, но, встретив следы, бросил всё и вышел из тайги. Теперь он о них пожалел и решил снять свои поставушки, несмотря на опасность. В принципе я пока не предполагал, как и что может угрожать ему или мне, но многолетний опыт общения с тайгой – настораживал. Тут я вспомнил про одного своего приятеля. Это был безбашенный товарищ в самом прямом смысле. Его интересовали приключения и всё, что с ними связано. Всё, что он зарабатывал, то спускал или на походы небывалой сложности или иные авантюры с ними связанные. Лезть к черту в пасть при таком раскладе не имело смысла, а без сотоварищи – в двойне.

Договорившись с Игорем, встретиться с ним на следующий вечер и переночевать у него, а на утро уйти в горы. Я сорвался в город на ночь глядя, где нашел друга Петро в «тоске и гусарстве» на следующее утро. Я ему вкратце обрисовал обстановку. В принципе он мало поверил в сию брехню, но согласился на поход в горы, так как адреналин ему бередил душу и звал на необыкновенные приключения. К обеду он уже был полностью готов к ним и соответствующим образом экипирован по этому случаю. Я же утряс все дела только часам к трём.

Мы решили ехать на его Ленде, который, по причине повышенной беспокойности своего хозяина, успел приобрести весьма боевой вид, нося на своей груди вмятины и царапины, приобретенные на просторах России ридной. Я собирался, как на охоту. Взяв карабин и почти двух годовой запас патронов к нему, что было около пятидесяти штук, я прикупил к ним отчего-то ещё сотню, хотя это вразрез шло со здравым смыслом, но я всё-таки это сделал, подчинившись какому-то внутреннему чувству или интуиции или страху. Хотя это и влетело в копеечку. Продуктов мы взяли на неделю, водки – на две. На больше мы и не рассчитывали. Всё это погрузили в Ленд Крузер и поёрли в направлении по вектору ранее мною проторенному. То есть к соседу Вани.

Пришкандыбали мы к вечеру. Игорь вытопил баньку, и мы попарились и пригубили пару бутылок водки. Петро отказался от сего удовольствия в полной мере, сославшись, что за рулем он старается не пить. Впрочем, пригубил тоже, но всего-то три рюмки, что для него, плотно сбитого мужика, было почти, что для слона заряд дробы на рябчика с сорока метров. Утром мы быстро собрались, решив подъехать по возможности ближе к зимовью, а далее уже топтать пешком. Мы не брали ни палаток, ни печек и тому подобного, рассчитывая только на спальные мешки. Игорь не имел и его, так как собирался ночевать в зимовье.

Зимовье было дальним. Дороги туда не проложили из-за скверного рельефа предгорий, что обещало нам поход длиною в километров двадцать с полной выкладкой. Раньше здесь охо-

тились только промысловики местного коопзверопромхоза, он же и строил зимовьё, забрасывая охотников по воздуху на вертолетах. Рядом с ним находились густые кедрачи, но из-за того, что не каждый решался таскать мешки урочные километры, да ещё после того вывозить их далее на вездеходных машинах, то урожай данных мест доставался всё более зверям и птицам. Там постоянно держались даже кабаны. Игорь почти всю зиму торчал в этой избушке, собирая урожай с окрестных гор, не востребованный более почившим в бозе кооперативом. За ним периодически приезжал Газ – 66, который и забирал продукты его промысла, которые он выносил в оговоренное место.

Доехав до этого, как говорится, оговоренного места, где кончались все признаки дороги, мы навьючились, как ослы или муллы, и двинулись в сторону своей будущей стоянки. По совету Игоря мы решили идти через горы напрямую. Перейдя пару хороших горок, мы неожиданно наткнулись на человеческие следы. Они были вчерашние. Это был одинокий мужчина, который брёл в направлении противоположному всякому жилью. Я бы не удивился им вообще, но мы тогда находились на расстоянии не меньше, чем полусотни километров от ближайшего дома, если не считать домом зимовьё. Кроме того, человек был одет в армейские берцы, в которых был и мой пропавший родственник, о которых говорил ранее Игорь. Но он был один.

Шёл мужик, едва волооча ноги, постоянно спотыкался, и было даже видно место, где он отдыхал, усевшись прямо на снег, опёршись спиной о ствол дерева. Ясно было, как божий день, что он уже выбился из сил и окончательно потерял всякую ориентировку в пространстве.

Человек не мог уйти далеко, а идти в зимовье, а это более пятнадцати километров в одну сторону, и вновь возвращаться обратно, было излишней тратой времени, за которое он мог не только далеко уйти, но и просто замёрзнуть. Я настаивал на том, чтобы мы немедленно пошли по следам человека и попытались его догнать до темноты, до которой оставалось ещё более трех часов. Игорь несколько поколебался, но согласился на подобное мероприятие, приободрившись тем, что следов маленькой женщины рядом не было видно. Хотя у него не было никакого снаряжения для ночёвки в лесу зимой, но он был человек покладистый и внутренне добродушный и не злой.

Впрочем, всё, что было необходимо для того, чтобы плохо-бедно прокимарить ночь, включая топоры и маленькую пилу, у нас были, так что бояться нам было нечего. Петро только несколько разочаровался тем, что данный поход так быстро заканчивается. Я не был настроен столь оптимистично, заранее прикинув ту фору, которую уже имел прошедший человек. Даже притом темпе, что он держал, это было около десяти километров. Если принять во внимание дрянной снег и то, что он почему-то в этих местах был весьма скверным, то есть сдувался ветром со склонов, то следить пришлось бы его с большим напряжением.

Я оказался прав. Если первые пять километров мы прошли довольно быстро, так человек шел по сиверу, на котором снег ещё держался, то позднее перешел на южняк, где он лежал только участками, и было много гольцов, на которых он и не ночевал. Если в начале пути мы шли друг за другом, то позднее нам пришлось разделиться. На след стал Игорь, я пошел справа, Петро слева.

Если первые пять километров мы прошли за час или чуть более, то дальше шли гораздо медленнее, так как часто теряли след. Приходилось делать круги и обходить по грани снега бесснежные участки, что затрудняло движение и сильно замедляло его. Фактически мы почти не приблизились к нему за этот день. Ночевали мы под вывороченным кедром. Опилив вершину, мы соорудили нодью, развели костёр на месте будущей ночевки и сварили простенький суп, сдобрив его основательно салом. Ночь прошла без происшествий и, перекусив на скорую руку, мы снова двинулись по следам.

Человек продолжал идти по южняку и сильно обветренным местам. Кроме того, пошли сплошные гольцы, и следить стало ещё трудней, но мы скоро приспособились к местности и обговорили свои действия. Дело пошло несколько быстрее, но на следующие километры пять

мы потратили примерно три часа, так как пришлось проходить много лишних километров, но следа мы не теряли надолго, а если и он и исчезали, то мы его скоро находили. Я по старой охотничьей привычке пользовался биноклем, через который иногда находил потерянный след и довольно быстро, тем более человек придерживался какого-то определенного маршрута известного только ему.

Со второй половины дня мы заметили, что он совсем потерял силы и стал падать и подолгу лежать, но, отлежавшись, вставал и брёл дальше. Кроме того, он ничего не ел, хотя шишки обильно валялись под ногами и при всём желании не дали бы ему умереть с голоду, но он проходил мимо не обращая на них ни малейшего внимания. Впрочем, он скоро вышел из леса и пошёл дальше в горы, где не предвиделось ничего съедобного, можно было только убить зверье, но ружья при нем явно не было, ибо оно всегда оставляет следы на снегу. Их не было и не нужно для этого быть охотником.

Затем мы увидели, что на его следы вышел огромный барс. Это не могла быть рысь, так как следы его были чуть меньше следов годовалого тигра. Он начал следить человека, но боялся нападать на него. Он явно выслеживал и ждал, когда тот сам упадёт. Игорь помрачнел и сжался, замолчал, но мужественно шёл с нами.

К нашему счастью человек перешёл на северный склон, на котором было довольно много снега, и следить его стало совсем легко.

Первым увидел его я, осматривая через бинокль противоположный склон горы. Он сидел, опершись о камень, опустил голову, или дремал или был без сознания. Почти тотчас я увидел и барса. Это был удивительный барс, окрас его был не серо-дымчатый, а с золотым блеском шерсти и удивительно контрастными чёрными пятнами по всей шкуре. В отличие от обыкновенного барса, этот был гораздо крупнее последнего, имел более длинные ноги, был поджарым и выглядел гораздо мощнее. Он находился совсем рядом с человеком. Как кошка он вытянул шею и обнюхивал лежащего человека. Он явно ещё боялся его, но не на столько, чтобы оставить свою добычу. В общем, человек был едва живой, и через несколько секунд зверь бы впился ему в глотку. Я не стал раздумывать, скинул карабин и стал выцеливать зверя. Я поставил бегунок на шестьсот метров, которые примерно и были между нами, но не учёл в спешке то, что мы были в горах, и воздух был более разрежен на этой высоте.

Барс был хорошо виден из-за своей странной окраски. Первая пуля ударила несколько ниже его груди, зверь с испугу отпрянул и остановился тут же в нерешительности. Я выстрелил ещё дважды, взяв несколько выше. После второго выстрела зверь взвыл, кинулся в сторону и скрылся в ближайших камнях. Больше я его не видел, хотя вглядывался в противоположный склон как нельзя прилежнее, да и на нём почти ничего не росло.

Подбежавшим приятелям я показал лежащего человека, который после происшедшего поднял голову и зашевелился, но продолжал сидеть, видимо ничего не поняв или не имея сил для иных реакций.

Мы, не раздумывая, бросились вниз по склону и почти бегом преодолели более четырехсот метров вниз и ещё столько же, взбираясь вверх, в гору.

При нашем приближении человек неожиданно вскрикнул и с удивительной ловкостью и быстротой кинулся бежать по крутяку. Мы даже отстали от него несколько и чуть не потеряли, так как бежали до этого почти восемьсот метров с полной выкладкой, да половину этого расстояния вверх по крутому склону.

Догнали его мы только через час, когда тот выдохся окончательно. Это, на удивление, действительно был Серега, мой потерянный родственник. Но он был явно не в себе, оказывал яростное сопротивление, пытался ударить нас, кусался и царапался, верещал нечленораздельно, потеряв всякое представление о речи. Глаза его были, как у испуганного зверя. Все симптомы говорили о потере им памяти и основательному сдвигу по фазе в сторону наших дальних предков. Нам пришлось связать моего буйно выражающего несогласие с пленением

свояка, если я не ошибаюсь в родственных связях, по рукам и ногам, после чего он испуганно притих и сжался, украдкой незаметно пытаясь наблюдать за нами. Стресс достал из его загашников резервы жизненных сил, и теперь Серега выглядел уже совсем не умирающим человеком, а вполне здоровым, но грубая сила трёх здоровых откормленных мужиков была значительным аргументом в споре с его дикой, но тощей натурой.

Уже было часов пять вечера, мы основательно вымотались гоняясь за этим одичавшим *sapiensom*, да и обедали и завтракали всухомятку, так что сразу решили разбить бивак и набраться калорий и подкормить этого тощего и, на удивление, выжившего в горах Серого. Мы быстро сориентировались и вспомнили, где валялось упавшее дерево, притащили свою ношу к нему, напилили с него бревен на нодью и нарубили сучьев на небольшой костёр, который развёл Игорь и начал кашеварить. Обломав ближайшие ёлочки, мы подготовили лапник для постели и стали ждать ужин. Присмотревшись к местности, я обнаружил, что от места, где я стрелял барса и первоначально увидел Серого, мы находимся не так далеко, поскольку мы нарезали круги, гоняясь за ним. Я, естественно, решил посмотреть пострел. То, что зверь был ранен, я не сомневался и, может быть, где-то уже лежит ещё тёпленький. Игорь был занят, а Петро чувствовал себя не очень хорошо или только на это сослался, так что я пошёл один. До места пострела было не более километра. Это расстояние я прошёл за десять минут. Правда, не сразу нашёл это место, но по обратным следам вышел на него. Вторая пуля пробилась зверю грудь, прошла насквозь, так что кровь брызнула на снег упругой струей, и, срикошетив о камни, ушла в сторону. Третий выстрел был мимо, я несколько обзадил, что было и не удивительно на таком расстоянии. Пройдя по следам, я определил тяжелое ранение: зверь схаркивал сгустки крови, пошатывался и волочил лапы. Ясно было, что я пробил ему лёгкие, и он должен лечь где-то рядом. Тем более мы его не пугали, и уже истечь кровью, но, пройдя далее по следу, я обнаружил, что он оправился и скоро выровнял ход и даже пошёл скачками. Это было совсем непонятно. Смертельно раненый зверь оправился в течение нескольких сотен метров – это было удивительно. Начало темнеть, нужно было спешить к костру, который я разглядел с вершины горы, на которую меня завёл странный зверь. Я пошёл напрямую к огню, который был хорошо виден несколько правее того места, где я стоял. Спустившись с вершины, я обнаружил следы. Это не были следы барса – это были следы человеческие. Сверх того, это были следы женщины. Очень маленькие женские следы, обутые в странную обувь, явно не заводского производства, подшитую толстой кожей. Следы были свежие, но ступала она как-то странно, словно была больна. Она не могла не видеть нашего костра, но повернула от него.

Я вспомнил про странный рассказ, что я слышал от Игоря, о том, что наш друг Серый гулял с какой-то женщиной. Меня удивило то, что Игорь был не из робкого десятка, а сразу сбежал из леса, когда увидел следы незнакомого человека и женщины. Не берцы же среднего размера его запугали? Я решил расспросить поподробнее об этой женщине после ужина или во время его. Но вовремя оного нам пришлось провозиться с Серегой. Он не хотел ничего есть, плевался. Пришлось влить ему в рот водки прямо из горлышка, после чего он, на удивление, начал материться и накинулся на еду. Так что его вновь пришлось связывать, чтобы он не обожрался с голодухи, за тем он уснул как убитый, но уже после рюмки водки, выпитой уже добровольно.

После еды и распитой бутылки водки, я спросил об этом Игоря. Тот неохотно сказал, что слышал я и ранее из его пьяного рассказа в бане, но сильно беспокоился о том: попал я или нет. Я соврал, сказав, что промазал. Он не поверил, так как услышал рёв зверя, но успокоился, решив, что ранение это было незначительное, так как расстояние было, по его понятием, чрезмерным.

Скоро он уснул, а мне отчего-то не спалось. В конце концов, я забылся, но сном не глубоким и тревожным. Карабин я держал при себе. Я не сильно поверил в эти бабушкины сказки,

но воображение моё разыгралось, и тревога поселилась в душе. Я некогда воевал, и опасность чувал за сто верст. Здесь я тоже её учуял, учуял смерть, бродящую рядом по горам.

Сквозь неглубоки сон я услышал какие-то монотонные звуки, которые никак не могли принадлежать к звукам природы. Это была музыка! Я с трудом разлепил глаза и привёл свое сознание в состояние бодрствования. Сначала мне показалось, что я ошибся, но затем в морозном воздухе услышал едва слышные звуки, словно где-то далеко работала машина. Они исходили откуда-то из-за ближайшей горки, за которой начинался склон горы, на которой мы находились. С трудом я поднялся, вошёл на пригорок и прислушался. Действительно слышался отдаленный стук, который здесь был более отчетливым. Я долго прислушивался, чтобы определить, откуда исходили эти странные звуки. Мне даже показалось, что кто-то поёт. Это можно было допустить, так как магнитофон или иной воюще-играющий прибор мог быть у кого угодно, но пикники в такой глуши не предвиделись, а ближайшее жильё было на расстоянии уже не менее сорока километров, да и то зимовьё, в которое мы так и не добрались, было весьма далеко. Я, конечно, помнил о странной женщине, которая отчего-то прошла мимо костра и скрылась в горах. Мне полезла всякая чушь в голову о шаманах и прочей нечисти, тем более последние события давали к этому повод.

Звук раздавался с противоположного склона, до которого было не менее полутора километров. Он был покрыт кедрачом, так что разглядеть на нём ничего категорически было невозможно, хотя луна была полная, и всё было прекрасно видно, как днём.

Я продолжал стоять и прислушиваться. Звуки не прекращались, и мне, в конце концов, удалось примерно установить, откуда они исходили. Мне даже показалось, что там горит костёр, по крайней мере, в одном месте вершины как бы освещались снизу огнём, который горел неровно, и не всегда можно было рассмотреть его отблески. Скоро я заметил какую-то тень, мне показалось, что двигалось какое-то животное. Хвойника в том месте почти не было, стояли только отдельные кедровые деревья, так что это животное или эта тень хорошо виднелась на былом снегу. По манере движения я определил в нём волка, хотя не ожидал его увидеть так далеко в горах, где тот почти не держится. Скоро я увидел и второго волка, я в этом почти не сомневался. Двигались они в одном направлении, а именно туда, где, по моим предположениям, горел костёр. Меня это удивило. Тем более, что зверь избегает костров и разного рода огней. К тому же волки не могли не слышать звуков, что исходили из этого места. Всё было странно и странно вдвойне. Я вернулся к костру. Мои напарники спали сном праведников. Даже Игорь, который выражал явное беспокойство с вечера, не пошевелился при моём появлении. Я взял бинокль и вышел на пригорок.

Противоположный склон был виден, как на ладони. Первого волка не было уже видно, но второй ещё шёл по его следам. Через восьмикратный бинокль блеклая тень материализовалась в весьма матёрое и крупное создание серого цвета. Я перевёл бинокль в то место, где были заметны отблески костра, и увидел женщину, кружащуюся в танце. Я разглядел и бубен, который разбудил меня. Она беспрестанно колотила по нему, издавая те звуки, что знакомы были мне по передачам телевиденья. Но костюма шамана на ней не было. На ней был накинут плащ, если можно было назвать плащом накидку из меха с капюшоном. Цвет её сильно напоминал шкуру того барса, что я стрелял накануне вечером. Всё это было достаточно странно, тем более движение в этом направлении волков.

Животное это очень осторожное и умное, и за свою достаточно долгую охотничью практику я всего несколько раз встречался с ним в природе, хотя специально на них не охотился, не видя нужды в этом.

Костра не было видно, так как его от меня скрывало большое лохматое дерево, но в его свете я увидел сидящих возле него волков. Их было около десятка. Но это были те, что я мог рассмотреть. Сколько их было вообще, я мог только предполагать. Они сидели плотной кучей и смотрели на танцующую женщину. Она мне показалась очень маленькой, так как волки, кото-

рые были по размеру несколько крупнее овчарки, выглядели очень крупными по сравнению с нею. Она была чуть более метра ростом, но очень хорошее сложение и ловкость движений, сила и отточенность их говорили о её зрелости. Едва ли десятилетняя девочка могла знать заклинания и камлать, как старая шаманка. Это была, безусловно, женщина, но маленького роста, но зрелая душевно.

Я наблюдал за этой вакханалией некоторое время и решил показать это зрелище ещё кому-нибудь. Игоря я не стал будить, опасаясь того, что он возьмёт в голову бог весть, что и на следующий день мы будим иметь проблемы ещё и с ним. Нам хватало одного Серёги, ещё неизвестно, как тот поведёт себя завтра. Я разбудил Петьку. Тот сначала ничего не понял, и мне пришлось довольно долго объяснить, то, что он должен увидеть.

Он нехотя поднес окуляр бинокля к глазам и стал искать женщину и волков. В конце концов, он рассмотрел отблеск костра и увидел сидящих волков, которых он принял за больших собак. Он не видел женщины. Я взял у него бинокль и посмотрел туда, где эта женщина была ранее. Волков я рассмотрел сразу. Те проявили беспокойство, видимо учуяв нас, но женщины я не рассмотрел. Они смотрели в нашу сторону, и никто из них более не лежал. Я долго рассматривал место у костра, но её больше не увидел. Правда, я рассмотрел в бинокль странный перелив воздуха, словно тот искажался от сильного жара. Костёр же был едва ли столь горяч, чтобы создавать столь мощное турбулентное движение воздуха, которое не могло бы возникнуть далеко в стороне от него, а не вверху. Звуков бубна не было слышно, скоро, однако, я вновь услышал его мерные звуки. Как не странно воздух при этом стал искажаться больше. Какой-то сгусток энергии кружил в воздухе у костра. Это было явно материальной сущностью или энергетической, напоминающей призрака, но тот имел бы цвет тумана или молока.

Петьке надоело торчать возле меня столбом, он явно уже пришёл в себя и стал замерзать, поскольку съёжился, так как находились мы в стороне от костра. Он вновь взял у меня бинокль и стал смотреть на то место, где сидели волки, и клубилось нечто, что должны были видеть волки, но не видели мы. Он довольно долго рассматривал прогалину у костра, заметил странное движение воздуха, но не придал этому никакого значения, хотя монотонные звуки камлания он слышал отчетливо.

Я вновь взял бинокль, но больше не видел её, не видел и странного движения воздуха, но волков, которые в свете тухнувшего костра были едва заметны, вновь рассмотрел. Было чему удивляться.

Петро вновь взял у меня бинокль, но и без него было ясно, что костёр тухнет, и звуки бубна уже не слышны. В конце концов, ему это надоело, и он сказал:

– Фигней не занимайся, там просто кто-то из аборигенов со своими собаками торчит и врубил музыку на всю катушку, – и с тем отправился спать.

Я ещё немного понаблюдал за подозрительным местом и тоже лёг спать. Всё это не укладывалось в мой скромный мозг цивилизованного человека, но прекрасно ложилось в прокрустово ложе легенды, что витала в воздухе и над нами. Меня смущало только одно: куда делась эта женщина и почему волки, боящиеся одного присутствия человека, спокойно отнеслись к ней и даже приняли как свою.

Но тут я вновь услышал звуки бубна, но скоро они стали глуше и прекратился, но я никак не мог уснуть, поскольку моё воображение разыгралось. Я вновь встал и взял бинокль. Картина была той же, как и ранее. Только я вновь увидел шаманку, но кружилась она уже устало и медленно, в изнеможении уже не стучала в бубен. Костёр уже затух. Некоторые волки вновь легли на снег и положили свои морды на лапы. Они или дремали, или лёжа смотрели на неё.

– Сколько же она там может танцевать, – удивился я, собираясь ложиться вновь на свое ложе из лапника. Именно в этот момент маленькая шаманка упала. Я не видел момента падения, но редкие звуки бубна ушли в пространство и исчезли в нём. Наведя бинокль на место камлания, я увидел её лежащей. Волки уже не лежали и сидели, а все поднялись и закружились

на месте хороводом вокруг шаманки. Скоро они рассыпались и двинулись большой массой вдоль склона. Эта была огромная стая. Даже при всей их плодовитости и наличии в стае переряжков, едва ли и тогда в ней было бы более двадцати животных, но здесь их было как минимум вдвое больше. Среди них я заметил несколько крупных матёрых волков, которые старались держаться по возможности дальше от других подобных животных. Почти все они сильно нервничали и вокруг матёрых кружились более молодые животные. Ясно было, что здесь собралась звери из нескольких стай. Насколько я знал о жизни волков, то они держались определенной территории и пресекали всякое покушение на неё. Если бы волки попытались пересечь границы территории чуждой им стаи, то им бы выдали по первое число, но здесь, вопреки всякой жизненной необходимости и законов бытия, собралось несколько стай.

Они направились по противоположному склону горы к тому месту, где мы были вчера вечером. Когда звери скрылись, я вновь посмотрел на то место, где находилась женщина-шаманка. Она по-прежнему лежала без движения. Я собирался было пойти к ней и выяснить то, что случилось, но решил прежде разбудить Петьку или Игоря. Петька спал как убитый, так что, как бы я не тряс его и не тормошил, но он так и не проснулся, зато Игорь вскочил сразу, как я его только тронул. Я сказал ему, что кругом полно волков, на что тот только хмыкнул и сказал:

– Началось, сидел бы и сидел дома и не совался бы не в свое дело, – проворчал он, сел у костра и поправил его. – Ты куда, разорвут же, как портянку? Я же говорил, что здесь не чисто. Куда прёшь?

– Нужно кое-что посмотреть, – ответил я.

– Что там смотреть?

– Есть, а волки ушли вверх по склону. Внизу они там что-то толклись, – слукавил я, не став пугать своего компаньона.

Взяв карабин и бинокль, я отошёл от костра и глянул на противоположный склон. Чужой костер уже потух, и женщины возле него не было видно. Внимательно осмотрев местность вокруг, я её увидел идущей в направлении обратном ходу волков. Она шла медленно, едва волоча ноги и пошатываясь. Спустившись в ущелье или глубокий овраг, что разделял нас, она глянула в мою сторону и вдруг сразу исчезла. Я в это время смотрел на неё в бинокль и заметил, как она натянула капюшон на голову. В том месте я сразу увидел то странное искажение воздуха, что наблюдал я у костра. Убрав бинокль от глаз, я ничего не обнаружил на противоположном склоне. С большим трудом я вновь рассмотрел через бинокль этот энергетический сгусток, что я не так давно видел, и в который она превращалась, да и то благодаря едва слышному звуку в одном из его отрогов. Овраг хорошо просматривался с той точки, с которой я наблюдал. Там росли кусты, в которых я потерял этот призрак окончательно. Она словно провалилась сквозь землю. Расстояние между нами было около километра. Правда дорога шла вниз по склону хотя и довольно крутому, но удобному для ходьбы, так что я преодолел это расстояние менее, чем за десять минут. Уже в овраге я нашёл следы женщины. Они были очень маленькими, и я сначала принял их за след россомахи. Следы привели меня к кустам, в которых я потерял этот загадочный субъект вселенной. Они оборвались перед отвесной стеной оврага.

Я старался не затоптать следов и шёл рядом с ними. В овраге было заметно, что женщина сильно устала, так как след был более глубокий, а пятка была явно выражена. После чего она шагнула прямо в стену. Стена была сплошной, без щелей и выемок. Прикинув рост женщины, я увидел большой корень, торчащий в сторону расположенный на уровне её роста. Я потянул за него, предположив, что, то же самое, делала и она. На удивление земляная стена подалась и образовалась небольшая щель. Еще потянув ее на себя, я открыл небольшой лаз, что вёл в глубину горы. Это было явно дело рук человеческих, но рук очень маленьких. Я попытался пролезть в этот лаз, но оружие и снаряжение мешали мне. Я оставил карабин и бинокль

с наружи, сбросил патронташ, оставив при себе только нож, который сунул за пазуху. В таком виде я едва протиснулся в лаз, из которого тянуло теплом.

Матерясь и ругаясь, я прополз в глубь горы метров на пять, когда почувствовал, что лаз стал шире, и я увидел свет. Это был электрический свет или что-то подобное электрическому свету. Он был чуть голубоватый и слабый. Горела не лампочка, а светился какой-то кристалл, но всё равно в пещере можно было видеть, хотя с большим трудом. Теперь я находился в довольно большом помещении, которое было всё-таки естественным, но над её благоустройством явно поработали чьи-то руки. Кроме той лампочки, к которой не вели никакие провода, горела ещё одна подобная же, но дальше, в глубине. Я не спешил опрометчиво погружаться в незнакомый мир, сочтя, что осторожность – обратная сторона доблести. Кроме всего прочего, я так и не выяснил до конца, с кем я имею дело. Если бы это был человек, то я бы примерно рассчитал, что ждать от этого чела, но это были непонятные существа с неопределёнными возможностями и параметрами. Эти параметры необходимо было определить и рассчитать. Не зря же этих существ так боялся Игорь, который был человеком явно не из трусливого десятка. Если ещё принять во внимание и то, что эта баба хороводилась с волками и даже собрала их в кучу! Это тоже говорило о чём-то. Если добавить к этому всякую ерунду о том, что эта пигалица могла испариться в воздухе – технологии, однако, – туши свет. Да и подземные пещеры, что они оборудовали, поскольку я уже предполагал, что эта дама лазит по этим горкам не одна, явно предполагали этих существ даже более продвинутыми, чем мы.

Размышляя так о всякой дряни, типа этих минимизированных придурков, падших на мою голову, я медленно продвигался вперёд, туда, где маячил второй светлячок кристалла. В принципе он давал достаточно света, чтобы можно было спокойно ориентироваться в пространстве пещеры, но не потреблял такое количество энергии, какое тратят придурочные огни рекламы, на которые он чем-то и походил. Темнота, пронизанная блеклым светом, как-то ещё позволяла мне ступать тихо, но в ней я чувствовал неуютно. Пройдя первую залу, что была образована пещерой, я с особой осторожностью приблизился ко второй, которая освещалась таким же образом. Вход в неё был не очень широк и образовывал свод, подобный своду арочных ворот, но невысокий, так, чтобы войти, а точнее – вползти, мне пришлось бы наклониться довольно сильно, но всё равно и тогда пришлось бы сгибать колени, чтобы не зацепиться за этот своеобразный косяк спиной или даже бёдрами, хотя по бокам у меня ещё оставалось достаточно места.

Я остановился в нерешительности. Неожиданно мне в голову пришла мысль, что в данном помещении удивительно сухо, хотя вода здесь присутствовала ранее и в большом количестве. Явно здесь проводились дренажные работы по отводу излишней влаги, но старались оставить это место в таком же виде, как и оно было ранее, чтобы не вызвать излишнее подозрение. Свет в первой пещере, или как я её окрестил про себя втихую, предбанником, включался этими странными гномами, а я склонялся всё более и более к этой версии, при входе. То, что они сильно походили на гномов из фольклора, мне это было понятно, кроме того, в русских сказаниях это были не крошечные существа, а вполне приемлемых размеров для человека, этак метр с кепкой, да и выработки в Уральских горах, которые приписывали этим пигмеям подземного царства, были именно такого размера, а никак не подходили и не подпадали под размеры мышей или крыс, какими их рисуют западные люди. Точно бы этих гномов сожрали кошки или лисицы. Этим тварям наплевать на то, что перед ним товарищ гордого людского рода. Однако, размышляя этак, я решил пролезть, хоть на карачках, во вторую пещеру, хотя разум упорно предлагал убраться от греха подальше. Но любопытство всё же возобладало, да и убраться обратно, так ни в чём не разобравшись, как-то не входило в мои планы. Встав на корточки, я стал потихоньку проползать в эту, то ли нишу, то ли дверь и осторожно выглянул, стараясь не афишировать своё присутствие. Свет во второй пещере был ярче, но в первый момент я ничего так и не заметил. В нём горело уже три кристалла, они находились в точках, которые освещали

всё помещение и довольно равномерно, хотя мощность их была примерно равной мощности кристаллов, что торчали в предбаннике. Это помещение уже походило на спальню покои. Три небольших, но на редкость широких кроватей стояло в разных углах пещеры. При желании на них могло улечься несколько человек небольшого роста, так что здесь могло ночевать или отдыхать человек двенадцать – тринадцать людей мелкого сложения, кроме кроватей стояли несколько странных уютных кресел довольно странной формы. В центре стоял то ли камень, то ли ещё чёрт знает какой прибор, но от него явственно тянуло теплом, и я даже заметил, что он даже отсвечивает в некоторых местах матовым светом, создавая некую иллюзию огня. Я, было, хотел протиснуться дальше, но мне помешал камень, который стоял рядом с проёмом, в котором я торчал в интересном положении, что свин на четырёх конечностях. Камень был массивным, а проход довольно узким, даже для той пигалицы, что я видел давеча в обществе волков. Тут мне пришло в голову, что если этот камень придвинуть к этому входу, то, как раз закроет эту щель напрочь, и никто не обратит никакого внимания на то, что за ним есть дыра и нора, и чёрт знает, какие кролики херятся в этой норе. Пока я так размышлял, давал ли мне задний ход не солоно хлебавши или всё-таки выяснить, как эта баба пролезла в эту дыру, которая была маловата не только для меня. Тут я нечаянно, скорее оттого, что устал торчать стоя на карачках, опёрся плечом об этот самый валун непонятно какого предназначения и тот, имея массу никак не менее трех – четырех центнеров, неожиданно плавно и легко стал отъезжать в сторону и несколько наискосок, освобождая проход. Я хотел продолжить своё путешествие в неведомое методом солдата первогодки, как уловил краем глаза какое-то движение слева от себя. Это было едва заметное движение, но старая привычка охотника заставила меня замереть, до выяснения всех обстоятельств. Обстоятельством были два странных существа, явно человеческого вида, мелких размеров. Одно существо было мужского пола, на редкость уродливое, как Карлик Нос в одноименной сказке. Лицо его было с длинным носом нездорового бледного цвета, покрытое то ли прыщами, то ли наростами, поросло маленькой, неряшливой, седоватой бородой, волосы на голове были жиденькие, неопрятные с заметной пролысиной по всему черепу, кроме того, они были то ли прилизаны, то ли примяты, отчетливо проявляя угловатый мощный череп. Сам он имел, хоть рост не высокий, но был удивительно крепко сложен, так что едва ли он уступал в грубой силе мне, хотя я был почти в полтора раза выше его. Одежда была его неопределенного сероватого землистого цвета, на редкость грубо сотканная и ткань по фактуре напоминала чем-то мешковину. Одним словом, страхолюдина в обносках от Диора. Второе существо было пола женского и, как следствие, было более приятное и изящное и, даже, красивое. Впрочем, она даже мне чем-то понравилась. Как говорилось старинным слогом, всё в ней определяло кокетку. Вместо грубого рубища её собеседника, на её плечи было накинут плащ, может накидка из шкуры барса, но именно того цвета, какого я видел эту зверюгу наемни и чуть было не отправил данное редкое животное к его ближайшим родственникам, чьи шкуры пылятся набитыми всякой ерундой в местных музеях. Безусловно, я бы не стал бить данную редкую животину, но дух солидарности с моим другом-родственником Серым, толкнул таки меня на стрельбу с почти предельной дистанции, да ещё без оптики. Этот плащ имел капюшон, под которым я увидел то ли платье, то ли блузку темно-вишневого цвета, на котором поблескивало кольцо из каких-то камней, которые я не мог рассмотреть из-за плохой освещенности, а ещё более из-за того, что мне это было по фигу. Волосы были чернявые, волнистые и не так длинные, но красиво обрамляли её удивительно правильное и красивое личико, которое было смугловатым, может быть загорелым. Красота, по мнению некоторых исследователей, приближение к среднему типу, так что средний тип здесь присутствовал процентов на девяносто с хвостиком. Глазки её были зелёные, в движениях сквозил огонь. Короче, несмотря на то, что эта пигалица была роста маленького, мне премного понравилась, что бывает со мной редко, и в моей жизни случалось этакое, так не часто, что припомнить и

пересчитать энные случаи не составляет для меня труда, даже на пальцах одной руки. Сердце моё невольно дрогнуло, несмотря на нелепое положение и явную опасность.

– Ещё чего не хватало, – подумал я и подавил всякие эмоции, вступив на стезю благо-разумия, тем паче приближалось время давать задний ход и валить на все четыре стороны, пока эти придурки не заметили меня. Хрен знает, какой там у них ещё камень за пазухой и что этому камню можно противопоставить в моём положении. Впрочем, я всегда знал меру и умел читать сигналы судьбы. Судьба явно притащила меня сюда и эта же судьба удерживала меня на месте. Я быстро успокоился, заглушил сердце и стал прислушиваться и услышал... Точнее я не услышал, а уловил их разговор. Это был даже не разговор, а скорее телепатиче-ский обмен образами между данными существами. Один рисовал свои образы, другой толкал свои в обмен, но они иногда произносили какие-то звуки или слова, которые, я, естественно, не понимал. Они не замечали ни меня, ни мои грешные мысли, так как были крайне возбуж-денны, особенно этот гномик Вася. Он махал своими большими, конечно относительно его тела руками, горячился и наезжал на эту свиристелку. Вкратце, суть его наезда заключалась в том, что этот мелковатый мужичёк обвинял её в чрезмерной любви к мужикам людского рода и не любви к нему такому хорошему. В ответ она рисовала картинки любви с людьми, и то, что те такие мягонькие и слабенькие, и ласковенькие, в отличие от его землеройного червя. Тот в свою очередь призывал её к благоразумию, к тому, что род их и без того не велик, и что та наведёт на них людей. Она успокаивала его тем, что своих любовников скармливает волкам и прочей нечестии, в образе которых я различил и снежного человека и прочих там водяных и леших. Тот продолжал напирать на то, что люди ныне непременно могущественней, чем были пару сотню лет назад, напомнил о том, что и в зверей превращаться, или внушать людям, что перед ними не люди, а звери, уже стало опасно, что вчера её ранили и, что если человек попадёт ей в голову, то она не сможет регенерировать свои органы и тогда ей будут кранты. Что и невидимкой быть становится всё опаснее, так как у этих сволочей человек появились приборы, которые могут увидеть её и под плащом и невидимость её относительная.

Далее я не стал слушать, поскольку расклад был полный и спорить, а тем паче ждать, пока меня заметят эти вероятно супруги, никак не входило в мои планы. Тем более, они могли уло-вить мои благородные мысли, как я улавливал их болтовню, и скорее всего они это не сделали только потому, что уж больно яро наскაკивали друг на друга эти петухи подземного царства, а мои эмоции таились за каменной глыбой, из камня неизвестной национальности и происхож-дения, так как мне было просто не до разложения горных пород по полочкам Я дал задний ход и выполз из этой, то ли норы, то ли шикарного входа в опочивальню, но не для меня.

В период этого действия, мне вдруг пришло в голову, что шкура на бабе была золотистого цвета, а я, грешный, глядячи телевизор слышал, что золото, при тонком распылении, дает эффект невидимости. Так этот факт объяснял всё. Когда она напяливала свой капюшон, я её не видел, вполне был объясним этим. А то, что я её видел в золотистом плаще, тоже объяснялся, но уже благодаря устройству нашего зрения, которое просто дорисовывало то, что на самом деле не видели глаза. Тем более капюшон был напылён только сверху и был ясно виден изнутри.

Покинув пещеру, я быстро напялил на себя свою амуницию и... и увидел волков. Штук тридцать их осторожно кралась к лагерю, где дрыхли мои сотоварищи по несчастью. Они видимо побаивались нападать в открытую, сохранив свою привычку по возможности это делать скрытно и неожиданно. Если бы я выполз из этой дыры несколько позднее, то мог найти своих компаньонов в качестве первого или второго блюда у этих лохматых друзей моих гномов из окрестных гор и лесов.

Я, встав на правое колено, с упора расстрелял всю обойму в это скопище, состоящее из разноцветных зверей. Те, не поняв откуда по ним стреляют, кинулись в рассыпную, но потом остановились, но обойму я не успел заменить на новую, так что на снегу осталось лежать только три волка, но один из них был ранен видимо в позвонок, так как стал уползать вниз, волоча

задние ноги. В это время на вершине появились мои незадачливые приятели и родственник во главе этого едва не съеденного бедлама. Они были ошеломлены столь неожиданной стрельбой, а особенно добычей, коея предстала пред их взорами. Пока они этим занимались, я догнал подранка и добил его выстрелом в голову.

Все были ошарашены, мне же пришлось выговорить Игорю, что тот завалился снова спать, не разбудив никого, зная наперёд, что окружен волками со всех сторон.

Он потупился, видимо понимая, что я прав.

В эту ночь мы так и не выспались, вялые и усталые мы поднялись с рассветом, кое-как позавтракали, и двинулись к машине. Сначала мы топали довольно бодро, но километра через четыре Серёга стал сдавать. Непродолжительный отдых не прибавлял ему сил и к обеду он был уже совсем никакой. Если добавить то, что и у нас был упадок сил, то мы двигались со скоростью парализованного таракана. Обед несколько нас взбодрил, но ненадолго, так что мы не добрались не только до машины, что могли сделать, если бы были полны сил и энтузиазма и не имели на попечении сдыхающего после интенсивных случаев с дикой бабой и крайнего истощенного кобелину в лице сотоварища Серого. Так что нам не удалось дойти не только до машины, но и до зимовья, где нам можно было подряхнуть не опасаясь того, что нас могут сожрать эта голодная свора, что было вполне возможно при этом раскладе.

Но больше всего меня удивил один факт, который не обещал ничего хорошего. Когда мы уходили из лагеря, то из троих убитых волков остался только один. Все решили, что их разорвали другие звери, но я не поленился спуститься к ним и выправил следы. Волки, оказывается, ушли собственным ходом, но перед этим к ним подходила женщина. Следы были те же, что я видел ночью. Оживить она не смогла только того зверя, что я добил в голову. Видимо она пользовалась каким-то лекарством или прибором, что были неизвестны нам. Оживлять мертвых – не самое плохое, что они умели делать.

Кое-как оборудовав стоянку возле скалы, чтобы как-то оградить себя от нападений с тылу, мы соорудили нодью и, поев без аппетита, легли спать. Дежурство было установлено в таком порядке: сначала дежурил Петро, затем дежурил я, следующим дежурил Игорь. Мы тянули жребий, не включив в него Серого, так как тот был весьма плох.

Моё дежурство и дежурство Петьки, прошло спокойно, хотя последний и не верил в то, что нас преследуют волки, но на пути мы несколько раз пересекали их следы, и я даже видел мельком одного из них.

Разбудив Игоря, я лёг с краю под скалой, положив рядом карабин. У костра лежал Серёга, Игорь сел рядом с ним с ружьем в руках и обещал разбудить через два часа Петьку. Под самое утро мне вновь пришлось бы дежурить. Я уснул довольно скоро, но спал чутко, и мне снились разные кошмары. Проснулся я от крика и волчьего рыка. В следующее мгновение, я увидел на месте, где спал Серёга, клубок из тел. Штук шесть волков рвали спальный мешок, который спасал Серго от смерти, и не давал волкам его убит тотчас, но из него летели клочья и через несколько минут звери бы добрались до живых и не тленных его телес, этого любителя любовных утех на свежем воздухе. На Игоре висело два волка. Петро тоже проснулся и ничего не понимал. Наконец он разобрался и стал лапать ружье, которое оказалось, как это положено быть, не в нужном месте и не в нужное время. Я сбил двумя выстрелами нападающих на Игоря волков, выстрелил ещё дважды в сторону темноты, где уже мелькали приближающие другие звери, затем совместными усилиями разогнали остальных, убив ещё трёх штук.

Единственное что я понял, что волки должны сожрать Серегу, а мы только мешали этому. Игорь просто оказался на их пути. Насколько я понял из рассказа последнего, то тот задремал и не заметил, откуда появились звери, он не понял сути нападения, и почему почти вся стая кинулась рвать спальный мешок, а не напала на него, хотя он едва ли успел поднять ружье. Серёга был сильно испуган и довольно основательно покусан. Особенно досталось лицу. Клок

мяса был выдран из щеки и болтался на лоскуте, кровь обильно поливала окрестности, Игорь срезал его совсем, прополоскал водкой и перевязал бинтом, что оказался у запасливого Петра, поскольку ни я, ни Игорь не отличались столь цивилизованными привычками и не таскали аптечки с собой в качестве ненужного груза.

Серого трясло от возбуждения и страха, важные органы были не задеты, но по всему телу, как любят выражаться протоколы: были множественные укусы. Правда, это были всего лишь синяки, но синяки таки приличные и кровоподтеки были везде. У него были глаза по огромной полтине, впрочем, и мы тоже были не в лучшем состоянии. Тем паче никто не понимал, что это зверье напустилось именно на него, тем более Игоря было куда приятней жрать, да из нас никто не забрался в спальный мешок.

Уснули мы вновь под утро. Я дважды ещё стрелял по святящимся огонькам глаз, убив ещё двух зверей, после чего те оставили нас в покое. При свете луны убитые были ясно видны на белом снегу. Я ещё не особенно верил в возможность воскрешения зверей, но подозревал, что сие действие вполне возможно. Спал я чутко и почти сразу, после того, как мы легли спать, услышал осторожные лёгкие шаги. Не поднимая головы, я стал смотреть в ту сторону, откуда раздавался ясный шорох. Никого я не заметил, шаги скоро смолкли и совсем неожиданно один из волков встал и, пошатываясь, пошёл в сторону. Затем зашевелился и второй, я потянулся за карабином, но выстрелить не успел, – волк скрылся за бугром. Почти тотчас я услышал удаляющиеся быстрые шаги. Мне показалось, что там что-то блеснуло, я поднял карабин и стал нащупывать мушкой того, кто стал предметом моей тревоги. Холодным разумом я уже вычислил, кто находился у меня на прицеле, но старая привычка охотника – не жечь напрасно патроны – возобладала, да и смерти этой пигалицы я не хотел, пусть она почему-то, скорее всего для сохранения тайны и сокрытия своих грехов, убирала свидетелей. Киллер, блин, хренов. Серого тоже не хотелось отдавать на съедение этим собакам. С этим я и уснул, вспомнив напоследок, что гномик давеча произносил очень часто, именно произносил Айя, что я счел её именем. Проспали мы до утра благополучно, даже не охраняемые более никем, только засунув Серого между Игорем и Петром, я же занял позицию для стрельбы. Волки видимо были сильно напуганы и не решились на повторное нападение.

Утром я осмотрел место, где лежали волки, убитые мной. Те, что были убиты нами у костра, так и остались лежать на месте, куда мы их отволокли ночью, два зверя ушли. Как не намешано и не натоптано было кругом, но мне удалось установить, что подходила к ним эта маленькая женщина, но что было самым любопытным, она подходила и к тем, что мы убили у костра, но ни одного поднять она не смогла. Видимо она могла оживлять только свеженьких покойничков. Это утешало.

Утром обнаружилось, что Серега опух как подушка и был совсем плох, так что мы решили добраться до зимовья, до которого было ближе, чем до машины, и там немного отоспаться и отожраться, а там далее решать, что делать. Петька надеялся, что звери отстанут от нас, когда мы заберёмся в свою крепость, Игорь только улыбнулся на эту глупость, я же откровенно посмеялся над ним, впрочем, незлобно. Напомнил ему, кстати, об аборигенах, которые грелись у костра со своими собачками. Петро так и не понял, кто там куролесил, а я не стал ему ничего объяснять. Впрочем, я не стал это объяснять и Игорю, а тем паче Серому: меньше знаешь – дольше живешь.

До зимовья мы добрались довольно быстро, что было удивительно. Серега скакал борзо, видимо страх повлиял на него самым положительным образом, но и витамины, что мы успели запихать в его истощенный организм, играли в его помятых жилах вместе со ста граммами, что мы употребили. Правда, я выпил не более пятидесяти этих самых граммов из наличествующих пятисот, оставив остальные в полном распоряжении нашей троицы, из которых Серый налегал особенно усердно на водочку.

Придя в стылое зимовье, я залез в последний спальный мешок, кстати, мой, и завалился спать, сказав, что ночь мне предстоит бурная, а им можно будет подряхнуть в тепле и уюте и безопасности.

Проснулся я под вечер, когда было ещё достаточно светло, но сумрак быстро уплотнялся и густел, переливаясь в черную густоту ночи. Луна всходила несколько позднее, часов в восемь – девять, так что на улицы довольно скоро было темно. Компания, что я оставил у нетопленной печки давече, уже была основательно накачена винными парами. У Игоря в зимовье находился приличный запас спиртного на всю долгую зиму, который, по причине чрезмерного стресса, данная компания решила прикончить.

В зимовье было тепло, даже жарко, на сковороде что-то скворчало, издавая аппетитный запах.

Впрочем, я не разделял всеобщего веселья, проснулся я разбитым, и голова моя болела. На душе висела тяжесть. Плохой сон и усталость сказались на моем физическом состоянии, а особенно на эмоциональном. Кроме того, эти олухи, попав в более менее сносные условия и чувствуя свою некоторую защищенность, не понимали, что запоры весьма ненадежная вещь, и продолжали пить. Если принять во внимание, что они не знали, с кем имели дело, кроме волков, то их можно было понять. Серый уже несколько оклемался и жрал водяру нисколько не отставая от собутыльников. Я перекусил, отказавшись от стопки, которую заменяла закопченная алюминиевая кружка, напомнил своим приятелям, чтобы они остепенились, но все хором заявили, что волки в зимовье не залезут, так что пить можно спокойно. Я ещё немного посидел с ними, поел основательно, так как Игорь раскупорил не только винный свой погребок, но и припасы, что готовил на весь сезон. Всё это я заел салом, пережаренным на сковороде, разбавил его тушенкой, разогретой прямо в банке, с хлебом, так что свиной жир подступил к горлу, и легкая тошнота напомнила о том, что сим не следует увлекаться, хотя на морозе сало всегда шло хорошо, но сейчас было видимо не то настроение.

Я ещё немного посидел, но нужно было идти на стремя. Я изначально знал, точнее чувствовал, что я должен именно это делать. Именно это, а ничто другое. Я был ответственен за этих наивных дураков, которые, мягко говоря, так и не добрались до взрослого состояния. Взяв карабин, бинокль и спальный мешок, что по-прежнему валялся на нарах, я пошёл на улицу. Лучшим местом для засидки была крыша зимовья. Я забрался на чердак, зарылся в мох, которым был устлан потолок, влез в спальный мешок, при этом положив бинокль по левую сторону, а карабин по правую руку и ... преспокойно уснул, зарывшись с головой в лохматую собачью шерсть из которого и был сшит этот мой спальный прибор. Я даже не удосужился проверить то, закрыли ли мои приятели дверь в зимовьё.

Проснулся я неожиданно и оттого, что кто-то крупный осторожно бродил вокруг избушки. Шорох был едва различим, но животное, которое пожаловало к нам, было явно не маленьких габаритов. Не медведь ли шатун к нам пожаловал, пришла мне в голову мысль, но додумать эту мысль я не успел, так как зверь, что посетил нас, показался мне на глаза. Он меня не замечал, да и я сначала увидел его тень, что черным пятном сначала возникла на снегу, прямо перед входом в зимовье. Эта тень никак не могла принадлежать медведю, поскольку животное передвигалось на задних ногах, было гораздо массивнее медведя в плечах и имело что-то похожее на горб. Волосатая спина возникла сразу и неоткуда. Просто поднялась из небытия. Я сразу решил, что это местная разновидность снежного человека. Дверь в зимовьё чрезвычайно привлекала его внимание, так что он меня просто не заметил. Видимо он пытался открыть её, потому что я несколько раз видел, что спина то поднималась, то опускалась. Однажды он задел плечом избушку и та заметно зашаталась. В этой зверюге было никак не меньше двухсот килограммов. Так что иметь дело с этим монстром с глазу на глаз мне не хотелось. Я тихонько подтянул карабин к себе, высвободив предварительно руки из объятий спального мешка, снял с предохранителя и, когда тот выпрямился на мгновение, не целясь –

разрядил всю обойму прямо ему в грудь. Зверюга рыкнул от неожиданности, отскочил, но, сделав два или три прыжка, ударился грудью о стоящее дерево и упал, забившись в конвульсиях. Я трясущимися руками перезарядил карабин и стал наблюдать дальше, что произойдёт. Меня бил озноб и руки подрагивали. Такую встречу я хоть и предполагал, но не был к ней готов в полной мере. На успокоение моей души и сердца потребовалось минут десять или более, за это время я убедился, что мои приятели не проявили никаких признаков жизни. Я продолжал лежать и ждать продолжения. Я ждал эту маленькую женщину, что усиленно стала портить нам жизнь. К этому времени снежный человек перестал биться и маячил на снегу большой глыбой. Если бы не торчащие руки и ноги, то он бы за эту глыбу бы и сошёл.

От холода и нервного напряжения я стал замерзать, пришлось залезть с руками полностью в спальный мешок. Согревшись, я неожиданно для себя стал засыпать, и мне с большим трудом удалось разлепить веки, когда услышал отчетливые шаги и поскрипывание снега под ногой. Только огромным усилием воли мне удалось стряхнуть ту слабость и усталость, что навалились на меня внезапно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.